

XLV

Вот сыновья Ньяля подъехали к Фльотсхлиду, переночевали под склоном, а когда стало рассветать, поехали к Хлидаренди. В это же утро поднялись Сигмунд и Скьяльд и собрались ехать на лошадью. Они захватили уздечки, взяли на лугу лошадей и уехали. Лошадей они нашли между двумя ручьями. Скарпхедин увидел их, потому что Сигмунд был в красном плаще. Скарпхедин спросил:

– Видите вы красное чучело?

Они взгляделись и сказали, что видят. Скарпхедин сказал:

– Ты, Хаскульд, останься здесь. Тебе ведь часто приходится ездить в этих местах одному, без зашиты. Я беру на себя Сигмунда – это будет, по-моему, подвигом, достойным мужчины, а вы, Грим и Хельги, убьете Скьяльда.

Хаскульд сел на землю, а они подошли к тем двоим. Скарпхедин сказал Сигмунду:

– Бери оружие и защищайся! Это теперь тебе нужнее, чем порочить нас в стихах!

Сигмунд взял оружие, а Скарпхедин тем временем ждал. Скьяльд схватился с Гримом и Хельги, и начался жестокий бой. У Сигмунда был шлем на голове, у пояса меч, а в руках щит и копье. Он бросился на Скарпхедина и тотчас же нанес ему удар копьем и попал в щит. Скарпхедин отрубил древко копья поднял секиру и разрубил Сигмунду щит до середины. Сигмунд нанес Скарпхедину удар мечом и попал в щит, так что меч застрял. Скарпхедин с такой силой рванул щит, что Сигмунд выпустил свой меч. Скарпхедин ударил Сигмунда секирой. Сигмунд был в кожаном панцире, но удар секиры пришелся в плечо, и секира рассекла лопатку. Скарпхедин дернул секиру к себе, и Сигмунд упал на колени, но тотчас же вскочил на ноги.

– Ты, склонился передо мной, – сказал Скарпхедин, – но прежде чем мы расстанемся, тебе придется все же умереть.

– Плохо мое дело, – сказал Сигмунд.

Скарпхедин ударил его по шлему, а потом нанес ему смертельный удар.

Грим отрубил Скьяльду ступню, а Хельги проткнул его копьем, и он сразу умер.

Скарпхедин увидел тут пастуха Халльгерд. Он отрубил голову Сигмунда, дал ее пастуху и попросил отнести ее Халльгерд. Он сказал:

– Она узнает, не эта ли голова сочиняла о нас порочащие стихи.

Как только они уехали, пастух бросил голову на землю, потому что он не смел этого сделать, пока они были там. Они ехали, пока у Маркарфльота не встретили людей. Они рассказали им о том, что случилось. Скарпхедин объявил, что убил Сигмунда, а Грим и Хельги – что убили Скьяльда. Потом они поехали домой и рассказали Ньялю о том, что случилось. Тот сказал так:

– Да будет счастье вашим рукам! Тут уж нам не назначат виры!

Теперь надо рассказать о том, как пастух вернулся в Хлидаренди. Он рассказал Халльгерд о том, что случилось.

– Скарпхедин дал мне в руки голову Сигмунда и попросил отнести ее тебе, но я не посмел сделать это, потому что не знал, как ты отнесешься к этому, – сказал он.

– Плохо, что ты не сделал этого, – сказала она, – я отдала бы ее Гуннару, чтобы он отомстил за своего родича или сделался бы всеобщим посмешищем.

Затем она пошла к Гуннару и сказала:

– Знай, что Сигмунд, твой родич, убит. Его убил Скарпхедин, и он велел отнести мне голову.

– Этого следовало ожидать, – сказал Гуннар. – Что посеешь, то и пожнешь, а вы со Скарпхедином сделали немало зла друг другу.

И Гуннар ушел. Он не начал тяжбы из-за убийства и ничего не предпринял. Халльгерд часто напоминала ему о том, что за Сигмунда не заплачена вира. Но Гуннар не обращал внимания на ее слова.

Прошли три тинга, на которых, как люди думали, Гуннар мог бы начать тяжбу. И вот у него случилось трудное дело, которое он не знал, как решить. Он поехал к Ньялю. Тот принял Гуннара очень хорошо. Гуннар сказал Ньялю:

– Я пришел просить у тебя совета в трудном деле.

– Ты вправе просить его, – сказал Ньяль и дал ему совет.

Гуннар встал и поблагодарил его. Тогда Ньяль взял Гуннара за руку и сказал:

– Давно пора заплатить виру за твоего родича Сигмунда.

– За него давно заплачено, – сказал Гуннар, – но я не откажусь, если ты сделаешь мне почетное